

Е л е н а П о п о в а

Б Л И Н Д А Ж

Романтическая драма в двух частях

Действующие лица:

Марина
Паша
Лейтенант Прохоров
Сержант
Радист
Полковник

I

Лесная поляна. Появляется Паша, тащит за собой парашют, складывает его.

Г о л о с М а р и н ы. Эй! Эй! Кто там? Есть там кто-нибудь?
П а ш а. Я...
Г о л о с М а р и н ы. Кто?
П а ш а. Я, я!...
Г о л о с М а р и н ы. Паша, ты?
П а ш а. Я!
Г о л о с М а р и н ы. Помоги! Я запуталась!

Паша идет на поиски Марины.

Да здесь я! Здесь! Не видишь, что ли?

Г о л о с П а ш и. Прыгай!
Г о л о с М а р и н ы. Я боюсь!

Г о л о с П а ш и. Прыгай! Я поймаю!
 М а р и н а. Ага...
 Г о л о с П а ш и. Прыгай!

Шум падения.

Г о л о с М а р и н ы. А-а-а! Нога, блин!

Выходят Паша и Марина. Марина хромот, опирается на Пашу.

М а р и н а. Лучше бы я сама!
 П а ш а. Сама ты б до вечера висела.

Марина усаживается на пригорок, Паша осматривает ее ногу.

М а р и н а. Острожней! Больно!
 П а ш а. А здесь?
 М а р и н а. И здесь!
 П а ш а. Вывиха нет.
 М а р и н а. Откуда ты знаешь?
 П а ш а. Знаю. Перелома тоже.
 М а р и н а. Что ж тогда есть?
 П а ш а. Ушиб, растяжение связок...
 М а р и н а. Мне все равно, как это называется – я ступить не могу!
 П а ш а. Надо парашют достать.
 М а р и н а. Да ладно!
 П а ш а. Материальная ценность, Газеев нам шею свернет.
 М а р и н а. Я на ногу ступить не могу! Моя нога, блин, не материальная ценность? (После паузы.) Все равно здорово! Я – прыгнула!
 П а ш а. С дерева.
 М а р и н а. С самолета! Прыгнула! А ты говорил – не прыгну! И Газеев меня в спину не толкал! Я – сама! Прыгнула! Здорово! (Достает из нагрудного кармана куртки сигареты, закуривает.) Покурим? Помялись, но пользоваться можно.
 П а ш а. Парашют надо сложить.
 М а р и н а. Пока не раскрылся, так было страшно! Это что-то. Думала – все, пропала моя молодая жизнь! А потом здорово. Просто супер!
 П а ш а. Я говорил...
 М а р и н а. Лучше раз увидеть, чем сто раз услышать. Главное, я сама прыгнула, сама! Галка говорила – не прыгнешь, ты говорил – не прыгнешь! А это – внушение. Внушали, внушали – фиг вам! И Газеев меня в спину не толкал! (После паузы.) Слушай, где мы?
 П а ш а. Не видишь? В лесу.
 М а р и н а. На карте никакого леса не было. Я смотрела. Поля, поля... Лесок какой-то заваливающий, не лес, а плачь. Речка была. Ну, думала, еще в речку свалюсь!
 П а ш а. Нас ветром снесло.

М а р и н а. Ветер был... Насквозь продуло. Слава Богу, что не в речку. Тогда бы и продуло и промочило.

Воспаление легких на сто процентов. Так еще поди – выплыви. Я плаваю, как топор.

П а ш а. Идти можешь?

М а р и н а(пробует опереться на ногу). Больно...

П а ш а. Парашюты сложим, будем отсюда выбираться. (Хочет уйти.)

М а р и н а(хватается за него). Нет, ты меня здесь одну не оставляй!

П а ш а. Девочке в лесу страшно.

М а р и н а. Страшно не страшно – не очень-то мне здесь нравится.

П а ш а. Парашюты-то надо сложить.

М а р и н а. Какие парашюты! Я идти не могу! Парашюты не размокнут. (После паузы.) Не нравится мне здесь. Не знаю, почему... Не нравится и все. (Встала, пытается идти.) Ты меня лучше не поддерживай, я сама буду опираться... Вот... Так еще ничего... Если на ногу сильно не наступать, ничего...

П а ш а. Приземляться надо по инструкции.

М а р и н а. Ага, там деревья! Болтаюсь, как груша. Я сказала, не поддерживай, я сама! Мне лучше знать, как мне лучше!

Прошли немного.

Все равно здорово! Как вспомню – класс!

П а ш а. Я тебе говорил – адреналин.

М а р и н а. У меня до сих пор адреналин. Вот так живешь-живешь, вокруг одни стены! А тут тебе – небо, ветер, летишь, как птица! Ой, осторожней!

П а ш а. Паришь, а не летишь. Птицы все-таки работают, крыльями машут.

М а р и н а. Ну, паришь, как птица. Здорово! (Кричит.) Э-э-эй! Э-э-эй-гей!

П а ш а. Что ты кричишь?

М а р и н а. В лесу только и покричать. Э-э-эй! Куда ты меня затащил?

П а ш а. Пригорок. Сейчас решим, в какую сторону идти.

М а р и н а. Решай быстрее! Вечер скоро, нога совсем разболелась. Вот-вот весь твой адреналин выветрится. Э-э-эй! Странное все-таки место...

П а ш а. Место, как место. Лес.

М а р и н а. Как будто на нас кто-то смотрит... Э-й... (Но голос уже не повышает.)

П а ш а. Кто на нас тут может смотреть? Зайцы?

М а р и н а. Сам ты – заяц! Я чувствую... Я, знаешь, очень чувствительная. Вот увижу кого-нибудь во сне, на другой день обязательно встречу. (После паузы.) И на карте этого леса не было...

П а ш а. Я тебе сказал – ветер. Нас снес ветер!

М а р и н а. Кто говорил, что Газеев супер? Супер все должен учесть. И ветер тоже. Учесть и предупредить. Он нас предупредил? Не нравится мне здесь.

П а ш а. Эй, не зависай!

М а р и н а. Меня здесь просто глючит! (После паузы.) Это не пригорок, это болото какое-то! Блин, нога проваливается... Я проваливаюсь! Паша, держи меня! Держи!

Разрушенный, ветхий блиндаж. По углам паутина, запустение. Старший лейтенант Прохоров озабоченно листает блокнот, во всей его фигуре крайнее напряжение. Сержант, напротив, спокойно и как-то по-домашнему, зашивает гамнастерку. У рации – радист. Марина и Паша проваливаются в блиндаж через крышу, все трое оборачиваются и молча и испытующе на них смотрят. Радист опять поворачивается к рации.

Р а д и с т. Днепр! Днепр! Я – Двина!

М а р и н а(заискивающе). Привет, ребята! У вас ученья, да? Мы же не знали. Нас никто не предупредил. Мы с парашютами... Спортивный клуб “Крылья”...

П р о х о р о в. Неужели подмога?

М а р и н а. Мы тут не при чем. Спортивный клуб “Крылья”. Мы – любители. (Паше.) Что ты-то молчишь? У нас главный – Газеев. Не слышали? Заслуженный мастер спорта, чемпион! Неужели не слышали? Известный человек! У него джип, черный, последней модели.

П р о х о р о в(с отчаянием). Нам подмога нужна! Связи нет! Ребята полегли!

Р а д и с т. Днепр! Днепр! Я – Двина!

П р о х о р о в. Нам только эту проклятую высоту удержать!

М а р и н а. Знаешь, играй-играй, да не заигрывайся!

Мы – любители! Спортивный клуб “Крылья”. (Паше.) Что ты-то молчишь? У меня нога болит! У меня – травма, блин! Если с нами или с парашютами что-нибудь случится, Газеев с вас шкуру спустит! Да и нет тут никакой высоты! Лес! Если вы считаете высотой муравьиную кучу, под которой сидите – красиво жить не запретишь!

П р о х о р о в. Лес, говоришь?

М а р и н а. Лес, лес!

П р о х о р о в(задумчиво). Конечно, ландшафт меняется... (Фиксирует что-то в блокноте.) Это мы учтем.

М а р и н а. Нога совсем разболелась! У меня – травма!

П р о х о р о в. Сержант, перевяжи.

С е р ж а н т. Дай-ка, посмотрю... Выше штанину подними, еще выше... Да... (После паузы.) Нога!

М а р и н а. Что, нога?

С е р ж а н т. Но-га!

Все смотрят, даже радист на секунду оторвался от своей рации.

Вывиха нет, перелома тоже. Но-га!

М а р и н а. Что, нога?

С е р ж а н т. Нога красивая!

М а р и н а. Ты надо мной не издевайся, или перевязывай, или иди куда подальше!

С е р ж а н т. Сейчас перевяжу... Некуда спешить...

(Достает йод, бинт, начинает перевязывать.)

М а р и н а. Ой, йодом не надо!

С е р ж а н т. Как же без йода? Без йода никак нельзя. Йод на войне – главное лекарство.

М а р и н а. Больно, блин!

С е р ж а н т. А ты потерпи. С такой ногой надо ласково говорить, нежно, а ты ругаешься.

М а р и н а. Как хочу, так и говорю. (Достает сигареты, закуривает.)

П р о х о р о в (озабоченно). Коломиец-то все не возвращается...

М а р и н а. Кто такой Коломиец?

С е р ж а н т. Сержант Коломиец... связь ушел чинить... и за подмогой.

М а р и н а. И давно ушел?

С е р ж а н т. Давненько.

М а р и н а (после паузы). Я пить хочу... У вас тут водички не найдется? (Берет чайник – страшный, ржавый, весь в паутине, со скрежетом отваливается ручка.)

П р о х о р о в. Ручей внизу, только осторожней... Если что – сразу назад. Я буду прикрывать.

М а р и н а (после паузы). Сложно все это. Лучше обойдусь.

С е р ж а н т (протягивает ей флягу). Немного осталось. Как раз три глотка. (Марина пьет.) Поспал бы, лейтенант... Небось, и голова болит...

П р о х о р о в. Ничего... (Тряхнул головой.) Коломиец вернется, подмогу приведет, высотку отстоим, тогда и посплю.

С е р ж а н т. А я сосну немного. Для солдата сон – лучший друг.

М а р и н а. Паша, ты врубаешься?

П а ш а. Пока не совсем...

М а р и н а. И я не совсем... Что-то очень уж глючит. А тебя?

П а ш а. И меня...

М а р и н а. У каждого – свой глюк. На двоих один глюк не бывает. (После паузы.) И давно вы вот так... ждете эту самую «подмогу»?

П р о х о р о в (вздыхнул). Давно...

М а р и н а. Паша, ущипни меня! Не так же сильно, я сказала – ущипни, а он чуть руку не оторвал. Глючит не глючит, голову не теряй. Сигареты есть? Мои все-таки помялись.

П а ш а (вяло). Есть...

М а р и н а. Давай! (Закуривает.) И не зависай, тормознутый.

П р о х о р о в (меряет блиндаж широкими шагами, то в одну сторону, то в другую). У меня – приказ. Высотку отстоять. У меня – приказ!

С е р ж а н т. Поспал бы, лейтенант. Я хоть спать могу. А он все ходит и ходит, покоя ему нет.

П р о х о р о в. Какой тут покой! Сколько ребят полегло, сколько полегло!

С е р ж а н т. Ты ж не виноват, что подмога не пришла.

М а р и н а. Конечно, не виноват. Генерал там какой-нибудь виноват. Уж кто виноват, так это какой-нибудь генерал. Я знаю! А вам тут отдувайся!

П р о х о р о в. Маскировка скверная, не проследил... Стрелять! Стрелять стали раньше! Ближко не подпустили! Патроны зря ушли, зря ушли – раньше кончились! Якушкин, Савин, Севченко, Башковитый... Какие ребята! (Стонет, хватается за голову.) А, все полегли! Все! (После паузы.) Как там связь?

С в я з и с т. Нет связи. Днепр! Днепр! Я – Двина!

М а р и н а. Да успокойся ты, действительно! Посмотри философски. Если подумать, нет на свете вещей, из-за которых стоит так уж колотиться. Сколько тебе лет?

П р о х о р о в. Девятнадцать...

М а р и н а. Да ты что?! Мне – двадцать два. Ему... (Кивает на Пашу.) тоже. Ты же еще маленький!

С е р ж а н т. Это ты зря что-то говоришь. Лейтенант не в одном бою побывал. Вон, контужен.

М а р и н а. Ты в самом деле контужен?

П р о х о р о в. Было немного... (По привычке потрянул головой.)

М а р и н а. В бою?

С е р ж а н т. Не на гулянке ж!

М а р и н а. Страшно, в бою?

П р о х о р о в(после паузы). Страшно.

С е р ж а н т. В бою-то, конечно, страшно. Пуля-дура не выбирает. Ну а уж как пойдет артиллерия бить! Тут уж держись, держись да молись Богу. Тут правил нет. И в одну воронку снаряд дважды попадает. (После паузы.) Было... Сижу в окопе, вдруг на меня что-то валится...

П р о х о р о в. Да будет тебе, сержант.

С е р ж а н т. У тебя своя заноза, у меня – своя. Каждому – свое, лейтенант. Короче, немец! Сцепились мы с ним, катаемся... Лицо его совсем близко. Старый, лет под сорок, но упрямый черт! Лицо, как лицо, искаженное, конечно, ну так и у меня не лучше – борьба-то идет не на жизнь, а на смерть. Я моложе, сильнее, стал одолевать. Исхитрился, вытащил из-за голенища нож... И...

М а р и н а. Что «и»? В сердце?

С е р ж а н т. Он обмяк, лицо совсем близко... Глаза открыты, смотрит на меня с испугом, рукой цепляется, как будто помощи просит... А взгляд стал уходить, тускнуть... И ушел. Долго я его потом вспоминал. Ведь тоже – не курица, человек! Хоть и курицу, бывает, жалко. Дети у него где-то, внуки...

М а р и н а. Это уж точно. В Германии. Хорошо живут!

С е р ж а н т. Много у меня таких катавасий было, а вот этого запомнил. Как он за меня рукой... цеплялся...

П р о х о р о в(мотнул головой, как будто его шею давит ворот гимнастерки). Будет тебе, сержант!

С е р ж а н т(после паузы). Да...

Между тем, Сержант распарывает только зашитую гимнастерку, а потом начинает зашивать снова.

М а р и н а. Зачем вы это делаете?

С е р ж а н т. Нужно какое-нибудь занятие... Застряли мы... Неужто не поняла? Вечность – это тебе не шуточки.

М а р и н а. Как это... застряли?

С е р ж а н т. А вот так. Снаряд летит – песню поет. Таковую песню, что кровь в жилах свертывается. Дай Бог, чтоб тебе такое слышать не привелось. Отчаянный я был, а так и не привык. Песню помню... А дальше – точка... Точка – это тебе не запятая. Конец предложения. Ни выхода, ни входа. (После паузы.) Конечно, ко всему привыкаешь... Разве что выпил бы иной раз стаканчик, другой, да поел в полное свое удовольствие, сала кусок, да с мясом, да

картошечки жареной с шкварками... Пара сухарей – весь наш провиант... (После паузы.) И бабенку бы под бок, горяченькую такую... Это я любил... Жизнь, короче. Ну ничего, я хоть спать могу, а вот лейтенант все мучается. Хоть бы ты помогла!

М а р и н а. Я? Как?

С е р ж а н т. Сама подумай. Я-то кой-чего повидал, а он? После училища, пацаненком, на фронт... Вспомнить нечего! (После паузы.) Хоть поговори! Отвлеки! Для чего вы, девушки, даны? Для смягчения души солдата. Каждый мужик – солдат. (Посмотрел на Пашу.) Если, конечно, -- мужик, а не тое-сее, седьмая вода на киселе. Коля его зовут. Николай Прохоров.

П а ш а. Это у вас девушки были для смягчения, а у нас сами кого хочешь на лопатки положат. Рвутся в бой.

С е р ж а н т. Не... Это не дело... Девушка нежной должна быть... Как синенький, скромный платочек... Слова-то какие, усекли?

П а ш а. У нас сейчас таких платочков днем с огнем не найдешь.

С е р ж а н т. Не дело...

М а р и н а (подходит, трогает за плечо). Коля... Коля... У тебя девушка была?

П р о х о р о в (листает блокнот). Что?

М а р и н а. Я спрашиваю – девушка у тебя была?

П р о х о р о в. Девушка? Нет...

М а р и н а. Но тебе же нравился кто-нибудь? Не бывает, чтоб в девятнадцать лет и никто не нравился.

П р о х о р о в. Нравилась...

М а р и н а. Это уже лучше, теплее. Кто?

П р о х о р о в. Врач в училище нравилась... Инесса Львовна... Лица не помню, фигуру... Видная была...

С е р ж а н т. Да, фигура для женщины – первое дело. Чтоб – фигура! (Вздыхнул.)

П р о х о р о в. Сестричка нравилась, в санпоезде, когда контузило... Фигуру не помню... Улыбка хорошая, руки мягкие, ласковые...

М а р и н а. Ты ей об этом сказал? Ну, что она тебе нравится?

П р о х о р о в. Нет, не сказал. Нравилась и все...

М а р и н а. Девушкам надо говорить, когда они нравятся. Они это любят. Я же сама девушка! Знаешь, это, как дрова, которые подбрасывают в костер. Тогда огонь горит, понимаешь? И ты девушке в ответ тоже можешь понравиться. Я знаю. Уж кому и знать, как не мне.

П р о х о р о в. Теперь буду знать.

М а р и н а. Только что-то они у тебя все по медицинской части...

С е р ж а н т. Что ты хочешь? Война. У меня тоже была санитарочка... Сама маленькая, что твоя пуговица, а бедовая. Столько наших перетаскала... Да... Любился я с ней любился, сам и схоронил...

П р о х о р о в. Еще одна нравилась... но она к моему другу приходила. Еще в училище.

М а р и н а. Красивая?

П р о х о р о в. Наверно.

М а р и н а. Ну, если к другу, уже не скажешь. Друг – это друг, святое дело. (После паузы.) А я? Я тебе нравлюсь?

С е р ж а н т (одобрительно). Хорошая девушка. Нога красивая.

П р о х о р о в. Я люблю, когда девушка в платье.

М а р и н а. Я же по-походному. А так я платья ношу. Дома у меня полно платьев! Целый шкаф!

П р о х о р о в. Я не люблю, когда девушка курит.

М а р и н а. Не слишком ли много условий? (После паузы.) Это я балуюсь, это не всерьез. (Тушит сигарету.)

П р о х о р о в. Больше не кури

М а р и н а. Больше не буду.

П р о х о р о в(с интересом рассматривает Марину). У тебя глаза красивые... И губы... И фигура...

М а р и н а. Хорошо... Хорошо... Теплее... Как у Инессы Львовны или как у медсестрички в поезде?

П р о х о р о в. Как у тебя...

М а р и н а. Значит, подхожу? Только в платье и без сигарет?

П р о х о р о в. Это бы хорошо.

М а р и н а. А хочешь, я тебя поцелую?

П р о х о р о в. Хочу.

М а р и н а. Тебя девушки когда-нибудь целовали?

П р о х о р о в. Нет.

Марина целует его, Сержант деликатно отворачивается.

М а р и н а. Ну как? Понравилось?

П р о х о р о в. Понравилось. Ты мне писать будешь?

М а р и н а. Буду. А адрес-то у тебя есть?

П р о х о р о в. Есть адрес. Как у всех. Полевая почта...

М а р и н а. Буду писать. Слушай, зачем ты в военные-то пошел? Сколько на свете профессий! Инженеры, математики... И не было бы всего этого... Полевой почты!

П р о х о р о в. Я в двенадцать лет решил. Когда война в Испании началась, гидра фашистская из своего логова вылезла. Герника. Над всей Испанией безоблачное небо. Я сразу решил.

М а р и н а. В двенадцать лет и на всю жизнь?

П р о х о р о в. В двенадцать лет и на всю жизнь. Если не я, то кто? Что ж мне отсиживаться?

М а р и н а(после паузы). Я напишу...

П р о х о р о в. А фотография у тебя есть? Я бы хотел. Я всегда хотел, чтобы у меня была фотография... девушки...

М а р и н а. Откуда у меня здесь фотография? Хотя, подожди... (Достала удостоверение и вырвала из него фотографию.) Держи. Спортивный клуб «Крылья».

П р о х о р о в(смотрит на фотографию). Ты – красивая.

М а р и н а. Спасибо, оценил.

П р о х о р о в. Мне нравится.

П а ш а. Только мне это все не нравится. Потому что мне она тоже нравится.

М а р и н а. Что ж ты раньше не говорил? Только ворчал и придирился!

П а ш а. Вот и говорю.

С е р ж а н т. Не мешай солдату, штатская курица! У тебя этих девушек еще будет не пересчитать, а у него – редкий случай.

П а ш а. Ну так что? Она мне давно нравится. И платьев она не носит, врет. И курит, как паровоз. Вот такая она мне и нравится. У нас других нет.

П р о х о р о в (не обращает на Пашу внимания). Теперь я буду о тебе думать. Сержант может спать, сны видит... А я буду о тебе думать.

С е р ж а н т. Я и говорю – девушка для солдата, отдых душе. Я-то сны вижу. Во сне чего только не повидал, и свою жизнь, и чужую... Весь земной шарик... А на нем толпы народа... Каких только нет – белых, желтых, черных, коричневых... Девушки, вот как ты, все раскрашены, как куклы, волосы разноцветные, курят, пьют что-то... Глаза хмельные, безумные... Музыка совсем другая, грохот, шум, лязг... И все скачут, скачут...

М а р и н а. Это он, наверное, дискотеку во сне видел...

С е р ж а н т. А снаряды-то все равно поют, поют...

М а р и н а. Если и поют, то далеко. На нас не падают. Не наша это война.

С е р ж а н т. Не нашей войны, милая, не бывает. Если есть война, значит, война. От войны дух идет... Людей меняет. Люди войной дышат. Везде, где больше трех – война. Кто слабый, а кто сильный. Кто над кем власть возьмет. Война в самом человеке... Между его плохим и его хорошим. Победит плохое – жизни конец.

П р о х о р о в. Есть связь?

Р а д и с т. Связи нет. Днепр! Днепр! Я – Двина!

М а р и н а. Один спит, другой не спит, а этот? (Кивает на радиста.)

С е р ж а н т. У него своя цель, на связь выйти. Других мыслей нет. Программа такая. Зациклен. Ему проще...

П а ш а (увлекает Марину в сторону, шепотом). Надо отсюда выбираться...

М а р и н а. Кто против? А их, что? Так и бросим?

П а ш а. Ты что, не понимаешь? Тут какое-то замыкание... Время, пространство... Думаешь, все изучено? Знаешь, на самом деле, сколько им лет? Если элементарно прикинуть? Три глубоких старика! Они же на глазах развалятся. Как фрески из пещеры, как мумии из мерзлоты. М а р и н а. И Прохоров?

П а ш а. Восемьдесят будет твоему Прохорову! А этим еще больше. Сержанту и тому, с рацией, за девяносто. Сама подумай, кому они нужны? Есть у них документы? Какие у них документы? Труха! Без документов сейчас никуда. Пока все бумажки соберут... Пока соберут! Пенсии выплачивать, квартиры давать? Кто им даст квартиры? Родственники повымирали, а всякие там пра-пра-пра только и мечтают с такими возиться! Здравствуйте, я ваша тетя! Им зубы вставить не на что будет! В бомжи и пойдут.

М а р и н а. Как это... в бомжи?

П а ш а. Вот так. По мне, лучше в вечности болтаться, чем в бомжи! Все-таки герои.

М а р и н а. Конечно, герои.

П а ш а. Да и нет их в живых! Нет! Их – нет. Слышала, что сержант сказал? Он снаряд слышал. А потом точка. (После паузы.) Мертвые они.

М а р и н а. Какие же мертвые, если – вот.

П а ш а. Я и говорю – замыкание.

С е р ж а н т (зашивает гимнастерку). Верно мыслишь, парень. Я только с виду такой простак, а на самом деле во

сне много чего повидал, все ваши университеты прошел. А главные университеты – на собственной шкуре. Думаете, Время, оно как река, от прошлого к будущему? Первобытное мышление. И все вы еще первобытные люди. Время – хитрая штука, много в нем разных завихрений, уголков, карманчиков... Бывает тянется, тянется, конца нет, а всего секунда и прошла. А бывает, прыг-скок – и года нет.

М а р и н а. Правда, бывает.

С е р ж а н т. Главное, -- оно не исчезает. Нет в нем никакого прошлого, и будущего нет, все вперемену. Все хранится, как деньги в банке. Вселенная большая, места всем хватит. И никуда вам отсюда не деться, раз уж попались.

М а р и н а. Как это... не деться?

С е р ж а н т. Так и не деться.

М а р и н а (после паузы). А к реке... за водой?

С е р ж а н т. Нет там никакой реки. Ландшафт-то меняется. (После паузы.) Ничего, занятие себе найдете. Без занятия тяжело, точно говорю. Вон кофточка на тебе вязаная... Вязать умеешь?

М а р и н а. Нет.

С е р ж а н т. Ничего, научу. Сначала нитки распустишь, потом свяжешь, потом опять распустишь... А он будет клубок держать. Привыкнете, ко всему привыкаешь...

М а р и н а (ошеломленно). А что мы пить будем?

С е р ж а н т. Во фляге немного осталось.

М а р и н а. Да выпила я все в твоей фляге!

С е р ж а н т. Во фляге всегда немного осталось. А в вещмешке – несколько сухарей. Наш вечный паек. Здесь много не нужно.

П р о х о р о в. Вот Коломиец вернется, подмогу приведет...

М а р и н а. А Коломиец вернется? Ты-то должен знать! Ты все должен знать!

С е р ж а н т. Этого не знаю, этого никому знать не дано. Может, вернется, а может и нет...

М а р и н а. Я кричать буду! Может, кто и услышит! Может, нас ищут. А-а-а! Ешкин кот! Ешкин кот!

С е р ж а н т. Не трудись.

М а р и н а. А-а-а!

С е р ж а н т. Никто тебя не услышит.

П р о х о р о в (озабоченно). Связь есть?

Р а д и с т. Нет связи. Днепр! Днепр! Я – Двина!

М а р и н а. Прохоров! Прохоров! Я же тебе нравлюсь?

П р о х о р о в (озабоченно листает блокнот). Нравишься.

М а р и н а. Может, ты в меня влюбился?

П р о х о р о в (листает блокнот). Влюбился.

М а р и н а (в отчаянии трясет его за плечо). А в кого влюбляются, кого любят, тому добра желают, счастья! Хотят, чтобы у него все было хорошо!

П р о х о р о в (рассеянно). Я тебе добра желаю, счастья тебе желаю. У тебя глаза красивые... и губы.

С е р ж а н т. И – нога. Тоже не маловажно.

П р о х о р о в (после паузы). И нога...

М а р и н а. Прохоров! Ты тут самый хороший человек! Ты просто не понимаешь, что с тобой. А вот он -- хитрый, злой, он все, все понимает!

П р о х о р о в (улыбается). Да, он же сны видит...

М а р и н а. Прохоров! Я тебе фотографию подарила! Членский билет порвала! Газеев ни за что не заменит.

П р о х о р о в. Я буду о тебе думать... Я всегда хотел... фотографию девушки... Буду о тебе думать...

М а р и н а(трясет его за плечо). Думай! Думай! Думай обо мне! Я хочу домой! Отсюда! Домой! К маме!

П р о х о р о в. Вот Коломиец вернется, подмогу приведет, высотку отстоим... У меня – приказ.

С е р ж а н т. Приказ – это приказ.

М а р и н а. Не вернется ваш Коломиец, не придет к вам никакая подмога! И высотки тут уже никакой! Муравьиная куча, а не высотка!

Выхватывает у Паши сигарету, закуривает.

П р о х о р о в. Я не люблю, когда девушка курит.

М а р и н а. Буду! Буду курить! И кричать буду! Может, услышат! А-а-а! Я хочу домой! Вы тут застряли, а нам какое дело? У нас уже все другое! И никаких там ваших скромных платочков! Мы все другое любим! Мы музыку другую любим! Все, все другое! Мы – другие, мы – себя любим, мы для себя живем! Для себя! Мы хотим хорошо жить! И на все ваши приказы нам наплевать! И на всех остальных нам наплевать, да, наплевать! На все ваши Испании, на все ваши Герники! Никому вы не нужны, вы – сумасшедшие! Никому вы не нужны со своей задрипанной муравьиной высоткой! Вы – жалкие старики! Вы – рассыпетесь, развалитесь, вам – девяносто! А я хочу жить, жить, жить, жить хочу! На все остальное мне плевать!

Пауза.

П р о х о р о в. Отпусти их, сержант. Разве их время пришло? Их время еще не пришло.

С е р ж а н т(после паузы). Я что? Пусть идут...

М а р и н а(после паузы, заискивающе). Ну так мы идем?

С е р ж а н т. Идите...

М а р и н а(оглядывается). Куда?

С е р ж а н т. Куда-куда... В дверь.

М а р и н а. Просто... в дверь?

С е р ж а н т. Просто в дверь. Что тут не понять? Дверь – это дверь. Отсюда – туда...

М а р и н а(после паузы). Там что?

С е р ж а н т. Жизнь. Птицы. Цветы. Деревья.

П р о х о р о в. Звезды...

С е р ж а н т. Звезды.

Р а д и с т. Трава...

С е р ж а н т. Трава. Закаты, рассветы... Дождь... (После паузы.) Сникерсы, баунти. Группа «Смэш». Группа «Ленинград»... Жизнь!

Марина берет Пашу за руку, ведет к дверям.

(Обернулась.) А вы?

С е р ж а н т. Нам нельзя.

М а р и н а. Приказ, да?
 С е р ж а н т. Приказ.
 М а р и н а. Ну так мы пошли?..
 С е р ж а н т. С Богом...

Марина толкает дверь. Блиндаж исчезает. Они
 на поляне. Ясный, солнечный день. И вечер еще так
 и не наступил.

П

Все та же поляна. Появляются Марина, Паша и
 Полковник. Полковник – очень старый человек.
 Он в парадном кителе, при всех орденах, идет с
 трудом, видно, что устал. Марина поддерживает
 его.

М а р и н а. Сюда, сюда! Здесь тропинка... (С удовлетворением
 оглядывает Полковника.) Как тебе прикид? Мне кажется – классно! Очень
 убедительно. Да и дед прикольный. Только устал. (Громко.) Отдохнем! Да?
 Сядем отдохнем! (Усаживает Полковника на поваленное дерево.) Классный
 прикид! Сама чистила! Пуговицы -- пастой «Пемолюкс», он-то мелом. Вот так
 по улицам и ходит, на праздники. Самоутверждается.

П а ш а. Где ты его раскопала?

М а р и н а. Да в нашем дворе! Как-то, видела, в шашки играл. Ну,
 расспросила, узнала, где живет, прямо так и пришла. В начале он ко мне с
 подозрением отнесся, думал – из-за квартиры. Знаешь, что с этими квартирами
 творят? Обманывают, жуткое дело, таких вот стариков на тот свет отправляют.
 Убивают, натуральным образом! Или куда-нибудь в дом престарелых. А там –
 та еще жизнь, та еще кормежка. Озверели, короче. Нет, говорю, дедушка, мне
 твоя квартира не нужна. У меня в соседнем подъезде квартира. Родительская,
 конечно, но все равно же моя. Я к вам просто, по-соседски, помочь. Не очень-то
 поверил, потом привык. Ну я ему там за кефиром схожу, лекарство принесу...
 Окно вымыла на кухне, чтоб хоть свет проникал. Он один живет.
 Представляешь? Совсем один. Жена умерла, собака, эрдель, умерла... Такой
 был славный песик, я маленькая была, а помню. Только телевизор смотрит – на
 полную громкость. Глухой. А видит нормально. Газеты читает, конечно, в
 очках... (Громко.) Да, дедушка? Правда, мне твоя квартира не нужна? Я просто
 помочь. Еле уговорила на свежий воздух... (После паузы.) Это где-то здесь.
 Ландшафт, конечно, меняется, но не так же быстро.

П а ш а. Зря ты все это придумала...

М а р и н а. Ничего не зря. Он мне снится, понимаешь? Он у меня в
 голове застрял!

П а ш а. К врачу сходи.

М а р и н а. Пошла! Скажут – сумасшедшая! А я не сумасшедшая. Ты
 сам их видел! Скажи – видел?

П а ш а. Ну... (После паузы.) А, может, это глюк?

М а р и н а. Я их, как тебя, видела. И ты видел! У двоих один и тот же глюк не бывает. Потом – бинт!

П а ш а. Какой бинт?

М а р и н а. Бинт! Кто мне ногу перевязывал? Вечером смотрю, серый-серый, старый-старый, расползается, как паутина!

П а ш а(ревниво). Может, ты влюбилась? В этого... Прохорова?

М а р и н а. Не говори глупости... Просто я таких еще не встречала. Он... он целый... (Рисует пальцем в воздухе.) А вот ты, к примеру, как-то по частям...

П а ш а. Я по частям?

М а р и н а. Я, к примеру...

П а ш а. Я по частям?

М а р и н а. Ну да.

П а ш а. А он – целый?

М а р и н а. Целый. Я ему добра хочу.

П а ш а(обижен). Я, между прочим, из-за тебя из клуба вылетел.

М а р и н а. Подумаешь, клуб! «Крылья»! У насекомых тоже крылья, тоже летают.

П а ш а. Обещал первый разряд... У меня уже было сколько прыжков!

М а р и н а. Кузнечик вон тоже прыгает. А Газеев твой – жлоб! Жук и жлоб. Чтоб из-за какого-то паршивого парашюта!

П а ш а. Материальная ценность.

М а р и н а. Да пошел он со своей материей! Парашютный шелк! Жлоб и жлоб. У тебя хоть половина частей совсем неплохие. А у него – сплошное дерьмо! (Громко.) Ну как, дедушка, хорошо здесь, правда? А ты не хотел! Думаешь, легко мне было его вытянуть! Я с ним месяц дружу. Он же никуда не ходит, только в праздники, ну, гуляет по улицам в своем прикиде, мелом пуговицы начистит и гуляет, самоутверждается, а так – только у телевизора. Раньше новости смотрел – теперь не смотрит. Говорит, сердце не выдерживает. Теперь смотрит только «Дискавери», про разных животных. Ну там медузы, слоны, бегемоты, бабочки... Мир природы! (Громко.) Здесь тоже природа, да, дедушка? Ты же природу любишь? Любишь природу? К внукам в другой город не хочет. Гордый! Дочь приезжала... Тоже, скажу тебе, старушенция! Сама с детьми проживает. Я ей говорю – вы не беспокойтесь, мне ваша квартира не нужна, ничего от вас не возьму, я по-соседски... Не поверила. Пока там была, я и не заходила. (Громко.) Ну как, дедушка? Хорошо здесь? Вот природа! Вот она – природа.

Тихо. Поют птицы, стрекочут кузнечики. И вдруг в эту тишину врывается шум боя. Трое это чувствуют, но еще как-то не осознают.

П а ш а. Тоже, наверное, на смерть косяками посылал? Вот такие и посылали. Пол страны уложили, количеством взяли, победители...

П о л к о в н и к. Жена говорила – свечку поставь. Я ставил... Свечки-то... Ставил...

П а ш а. Вы в Бога верите?

П о л к о в н и к. Я – нет. (Прислушался.) Хотя, думаю иногда... что-то все-таки есть... Что-то там есть...

П а ш а. Он не глухой.

М а р и н а. Глухой. Просто это место такое. Понимаешь? Это то самое место!

П а ш а. Не то ты задумала. Ты, мать, глючишь...

М а р и н а. Он – полковник, у него – чин. Он может отменить приказ...

П а ш а. Да его просто кандрашка хватит, старца этого...

П о л к о в н и к (после паузы). Чего уж... Забирай квартиру...

М а р и н а. Дедушка, что ты говоришь?

П о л к о в н и к. Всем вам от меня только одно и нужно. Забирай квартиру... (Достает из кармана бумагу протягивает.) Еще что? Все забирайте... Устал... (Держится за сердце.) Только иконостас мой не трогай, пока не помру...

М а р и н а (со слезами). Дедушка, да что же это? Не нужна мне твоя квартира! Ничего мне не надо! Ты что, не веришь? Ты мне не веришь?! Я не для этого тебя сюда привела!

Пауза.

(Теребит его.) Дедушка, понимаешь... Время, это же не река – от прошлого к будущему... В нем много всяких карманчиков, завихрений... Прошлое, настоящее -- все перемешано, все одновременно... Сейчас я тебя подведу вон к тому бугорку, похожему на муравьиную кучу... Понимаешь, дедушка, там одни ребята застряли... еще с войны... Ну не там, понятно, где-то там... Понимаешь, у них – приказ... У них – приказ, а ты полковник, ты можешь этот приказ отменить... И тогда они, может, попадут в какое-нибудь другое место, получше... Мучиться перестанут. Понимаешь? Ничего от тебя там особенного не требуется, только приказ отменить, чтобы они оставили эту высоту. Понимаешь? Оставили высоту! И все. Давай, дедушка, давай... (Ведет Полковника по поляне.) Я понимаю, ты устал, придумал там что-то про квартиру, а на самом деле это совсем просто, это вполне в твоих силах. Прикажи им оставить эту высоту!

П а ш а. Я тут не при чем. Я ни за что не отвечаю.

М а р и н а. Не мешай.

Шум боя становится слышной.

Ну, дедушка! Ну! Отдай приказ – оставить высоту!

И в этот момент бесстрастный голос диктора начинает читать сводку новостей. Возможно, эта сводка звучит голове Полковника.

Д и к т о р. Санкт-Петербургу грозит участь Чернобыля... Рождественского младенца оставили на улице... Ветерана войны пытали из-за отсутствия денег... На людей нападают собаки-людоеды... Кандидат в мэры попал в реанимацию после покушения... Обнаружена банда, состоящая из сотрудников милиции... В Магадане скончался от переохлаждения призывник, восемьдесят госпитализированы с воспалением легких... Шесть новорожденных умерли в роддоме из-за халатности врачей... Талантливая молодежь уезжает из России...

В прошедшем году двести человек стали жертвами терактов, более пятисот ранены...

М а р и н а. Ну, дедушка! Ну! Отдай приказ! Ну, дедушка! Ну, миленький! Ну что тебе стоит? Отдай приказ – оставить высотку!

Оглушительный шум боя, звук летящего снаряда, от которого в жилах свертывается кровь.

Ну!

П о л к о в н и к (тихо). Стоять... (Громче.) Стоять. (Перекрывая голосом звук летящего снаряда.) Стоя-ять!!!

Г о л о с р а д и с т а. Днепр! Днепр! Я – Двина! Днепр! Днепр! Я – Двина!

П о л к о в н и к. Сто-ять!!!

К о н е ц

Попова Елена Георгиевна, Минск, 220004, Немига 12-116.,
тел. 20-78-82, e-mail: elena-porova@bk.ru